

Владимир Григорьевич Вишневский

*Доцент кафедры теории и истории государства и права Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), кандидат юридических наук
E-mail: vishnevskiy-vg@mail.ru*

**Образы права в русской живописи XVIII—XIX веков
и правовая культура**

Аннотация: в статье рассматривается малоисследованный в юридической литературе вопрос о связи и взаимовлиянии права и истории художественной культуры. Картины Д. Г. Левицкого «Екатерина — Законодательница в храме богини Правосудия», К. Д. Флавицкого «Княжна Тараканова», Н. Н. Ге «Петр I допрашивает царевича Алексея Петровича в Петергофе», В. И. Сурикова «Утро стрелецкой казни» приводятся в качестве примера такого исследования. Отмечаются особенности отражения средствами и способами живописи не столько проблемы преступления и наказания, сколько сущности абсолютной монархии Петра I и Екатерины II, а также идеи справедливости и равенства, природы и сущности права, которые возможно оценивать с позиций эстетики — как нечто прекрасное или безобразное.

Ключевые слова: право, искусство, культура, Суриков, Левицкий, Петр I, Софья, Екатерина II, княжна Тараканова.

Vladimir Grigoryevich Vishnevskiy

Associate Professor of the Department of theory and history of state and law, Irkutsk Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice, Candidate of legal Sciences

The Images of Law in the Russian Painting of XVIII—XIX Centuries and Legal Culture

Annotation: *the article discusses a little explored in the legal literature question of the relationship and interaction of the law and the history of art. Paintings by D. Levitsky «Catherine – the Trendsetter in the Temple of the Goddess of Justice», K. D. Flavitsky «Princess Tarakanova», N. N. Ge «Peter I Interrogates Tsarevich Alexei Petrovich at Peterhof», V. I. Surikov «Morning of the Streltsy's Execution» are given as an example of such a study. Features of the reflection means and ways of painting are marked not so much as a problem of crime and punishment, rather as the essence of the absolute monarchy of Peter the Great and Catherine II, as well as ideas of justice and equality, as the nature and essence of law that it is capable of being evaluated from the standpoint of aesthetics – as something beautiful or ugly.*

Keywords: *law, art, culture, Surikov, Levitsky, Peter I, Sophia, Catherine II, Princess Tarakanova.*

Совсем недавно, в 2010 г., учебным планом юридического факультета Российской правовой академии Министерства юстиции РФ введена новая учебная дисциплина «Право и история художественной культуры». Причем, необходимо сразу же оговориться, что само название не является основанием для отнесения ее к культурологии или к одному из ее разделов.

Объект данной дисциплины совпадает с объектом фундаментальной юридической дисциплины (науки) «Теория и история государства и права» — общественные отношения, связанные с возникновением и развитием ведущих институтов государства и права. Предметом же ее является отражение средствами искусства (архитектуры, скульптуры, живописи, музыки, литературы и театра) природы и сущности права, его смысла, значения и идеи.

Данный курс нельзя отнести и к дисциплине «Философия права», т. к. используемые им средства носят специфический характер. Постигание смысла правовой материи происходит через образы того или иного вида искусства, например, через архитектурный ансамбль Московского Кремля как образ сильного, централизованного государства или через скульптуру богини Фемиды как образ справедливого правосудия. Следовательно, «Право и история художественной культуры» представляет собой самостоятельную прикладную юридическую дисциплину. Она рассматривает право не только с точки зрения философской, этической, правовой, сколько с точки зрения его эстетической ценности. Право можно и должно рассматривать как нечто прекрасное, совершенное и гармоничное в регулировании сферы общественных отношений, обеспечивающее устойчивость гражданских отношений, а через это — достижение благосостояния общества и счастье индивида. Именно посредством права сформировалась человеческая цивилизация. В этом смысле право можно отнести к одному из видов искусства. Выдающийся римский юрист II в. н. э. Домиций Ульпиан, соглашаясь с другим римским юристом — Цельсом-сыном, цитировал его определение права: «Право есть искусство

доброто и справедливо»¹. Представляется, что, говоря о справедливости, Цельс подразумевал под этим понятием не столько этическую, сколько эстетическую ценность права как чего-то совершенного, а потому прекрасного. Известный античный автор Страбон в своем фундаментальном труде «География» пишет об изложении законов в стихах: «Турдентанцы считаются самыми культурными из иберийцев; они знакомы с письменностью и имеют сочинения, посвященные истории своего племени, поэмы и законы, написанные в стихах — “длиною в 6000 стихов”»². Страбон в данном случае указывает, что древний народ, находясь на уровне развития племенной организации, сохранял давние традиции отношения к праву как к виду искусства — поэзии. В. И. Лафицкий выделяет в истории развития права поэтический век права. «История сохранила немало свидетельств и памятников поэтической традиции права. Более того, они убеждают в том, что право на первых этапах его становления действовало именно в поэтической форме»³. Автор приводит яркий образец поэзии права «Декларации прав и свобод человека и гражданина» Великой Французской революции 1789 г., которая является «первым законодательным актом, воспринявшим черты классической античной поэзии. И дело не только в ее возвышенно-торжественном слого, но и в других особенностях текста — в определенной симметрии норм, их ритмичности и созвучности, повторах и выделении ключевых слов (таких как “Человек”, “Свобода”, “Право”, “Закон” и т. д.), и примеров этого привести можно множество»⁴.

Такой взгляд на природу права остается верным и на сегодняшний день. Достижение высшей степени мастерства свойственно не только ремеслам, видам искусства, но и праву как регулятору общественных отношений. Единство идей естественного права, народного суверенитета, общественного договора, разделения властей и понятий «свобода», «справедливость», «равенство» и «законность» в декларации создавали целостность документа, в котором они либо прямо излагались, либо косвенно подразумевались в каждой статье. Однако по логике содержания статьи декларации следует группировать не в той последовательности, в которой их расположили авторы, а в другой, оригинально раскрытой В. Н. Даниленко, последовательности: 1, 4–5; 2, 10–11, 17; 3, 6, 12–16; 7–9⁵. Данная логика расположения статей отражает очевидность единства и борьбы противоположностей общественного развития. Чем достигались возвышенность и гипнотическое воздействие на сознание человека и гражданина правовой мысли как чего-то прекрасного, достойного поэтического вдохновения? «По словам Платона, право возникло в виде песен, дарованных богами. Поэтическому слову придавалось магическое воздействие. По мнению древних египтян, оно обладало большей силой убеждения, чем оружие»⁶. Мы и сегодня ощущаем магическое воздействие декларации на современное общество, подобное «Марсельезе», завораживавшей французов и увлекавшей их на путь демократизации общественного развития, ставшей гимном Франции.

¹ Дигесты Юстиниана. Т. 1. М., 2002. С. 83.

² Страбон. География. М., 1994. С. 137.

³ Лафицкий В. И. Поэзия права: страницы правотворчества от древности до наших дней. М., 2003. С. 8.

⁴ Там же. С. 119.

⁵ См: Даниленко В. Н. Декларация прав и реальность. М., 1989.

⁶ Лафицкий В. И. Указ. соч. С. 8.

Понимание значения социальных норм как регулятора общественных отношений осознавалось уже в древности, в момент формирования племенной организации, требовавшей языковой общности, этнического единства. В этих условиях обычаи и монономы приобрели особое значение и звучание. Им придавалось божественное происхождение, как чему-то тайному, священному, а поэтому обладавшему магическим воздействием и влиянием на устойчивость и процветание общества, его благосостояние. В своей бессмертной поэме «Одиссея» Гомер замечает:

Ты уподобиться можешь царю беспорочному; страха
Божия полный и многих людей повелитель могучий,
Правду творит он; в его областях изобильно родится
Рожь, и ячмень, и пшено, тяготеют плодами деревья,
Множится скот на полях и кипят многорыбьем воды;
Праведно властвует он, и его благоденствуют люди¹.

Гомер одним из первых изложил сущностное понимание значения социальных (правовых) норм для общественного развития, принявших сакральный характер и строго сохранявшихся жреческим сословием в тайне не только по форме своего выражения, но и от обывательского взгляда; право оставалось недоступно для основной части населения. Правовые нормы излагались в стихотворной форме, соответствующей ритму и интонации музыки, для более легкого запоминания и понимания. Правовая мысль закреплялась строго установленным (формализованным) действием священного обряда и ритуала. Эта традиция передавалась из поколения в поколение на протяжении нескольких тысячелетий. Она сохранялась в эпоху Миноса, Моисея, Ликурга, Солона, Конфуция, Ману. В Законах Ману, например, нормы носили не императивный характер, а излагались в желательном наклонении, т. е. носили рекомендательный характер, отражая пережитки древнейших эпох первобытного общества, когда все были равны и свободны и ценность социальных норм можно было выразить не иначе как в стихотворной форме. Музыкальное сопровождение усиливало ритм, размер, интонационную природу стиха, человеческой речи, а следовательно, смысл слова. От этого социальные (правовые) нормы приобретали в глазах людей магический (сверхъестественный) характер, обеспечивавший при условии их соблюдения процветание и благополучие общества. «Пока закон не писан, — утверждает Мейтленд, — его необходимо драматизировать и разыграть. Фигура правосудия должна накинуть красочные одежды»², т. е. образы. Причем драматическое на ранних этапах развития права немислимо без поэтического оформления и музыкального сопровождения. «Драматические и поэтические элементы в германском праве — его миметические (подражательные) элементы — возвышали юридическую речь над повседневностью и таким образом создавали дистанцию между законом и обыденной жизнью»³. Торжественные обряды и ритуалы внушали уверенность в том, что данные слова, выстроенные определенным образом, сказанные в соответствующем ритме, интонации и сопровождаемые музыкой, приобретают сверхъестественную силу и способность вызывать общественные явления, называемые юридическими.

¹ Гомер. Илиада. Одиссея. М., 1967. С. 642.

² Цит. по: Бергман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М., 1994. С. 69.

³ Там же. С. 70.

Драма, поэзия, музыка и право способны отражать реальный мир (природы и общества) в образах, а через них влиять на изменение этого мира.

Правовая действительность, отражаясь отдельными видами искусства в драматизме существующих общественных противоречий, наполняет идеи справедливости, равенства и свободы поэтичностью и музыкальностью, превращая их в категории эстетические. Домиций Ульпиан, например, писал, что есть законы совершенные, менее совершенные и несовершенные¹. Совершенные законы — есть нечто прекрасное, а несовершенные законы — это нечто безобразное, чуждое интересам общества, интересам индивида, понятиям справедливости, равенства и свободы.

Взгляд искусства на правовые явления и события обладает характерными чертами, присущими только художественной культуре. Благодаря им художественная культура способна отражать правовую действительность в объеме (архитектура и скульптура), светом, тенью и цветом (живопись), звуком, интонацией и ритмом (музыка), художественным словом (литература), театральным действием (театр). Отражая очевидное, происходящее в реальной действительности, искусство придает своим образам исключительную выразительность и глубокое осмысление. Творения искусства завораживают, гипнотизируют зрителя, слушателя, читателя, оказывая мощное воздействие на общественное сознание, на его правосознание и имея порой неожиданные последствия для общественного развития. Поиск правовой истины возможен через методы и способы, используемые искусством.

Отражая реальную действительность, творцы произведений искусства способны проникать в сущность вещей и явлений и познавать истину через образы художественной культуры.

Примером такого образа видения можно привести живопись, в частности художественное полотно «Екатерина II — законодательница в храме богини Правосудия» Д. Г. Левицкого. На первый взгляд, картина истолковывается как проявление верноподданнических чувств, хвалебная ода государыне. «Екатерина II изображена художником в стиле парадного портрета, с долей приукрашенности и помпезности. Фигура царицы оттесняет на задний план, низводит до роли второстепенного персонала, до роли служанки хозяйку храма Правосудия — Фемиду»². Очевидно, что художник показывает здесь императрицу в образе просвещенного монарха. Екатерина II на переднем плане с георгиевской ленточкой, рядом с ней жертвенный алтарь с надписью: «Для общего блага», а у ее ног лежат тома составленных ею законов, за которыми надзирает орел, — образ авторитарного режима. Такой незначительной деталью художник обращается к внимательному зрителю и открывает ему иной мир, смысл и значение содержания картины.

Богиня Фемида изображена согбенной, уставшей и безразличной — так художник показывает зависимость и бездействие правосудия в Российской империи. Книги с законами у ног императрицы — достаточно прозрачный намек на то, что она стоит над законами, а орел выполняет функции, подобные функциям орла Зевса. Композиция картины, используемые художником аллегории

¹ См.: Ульпиан. Памятники римского права. М., 1988. С. 156.

² Киянова О. Н. Юриспруденция в произведениях русской живописи // Юстиция. 2009. № 6. С. 89.

Екатерина II –
законодательница в храме
богини Правосудия
Картина Д. Г. Левицкого

несут большой объем зашифрованной информации, содержащей как критику существующих порядков, так и новые идеи. Д. Г. Левицкий воплотил в своей картине государственно-правовые идеи французского просвещения второй половины XVIII в. Они были известны и в России. Его окружали такие выдающиеся деятели, как Н. Львов, Г. Державин, В. Капнист, И. Дмитриев, И. Долгорукий, Н. Новиков. Идеи французских просветителей были им созвучны, но оформились в России в форму просвещенного абсолютизма. Часть русских просветителей считали, что просвещенный монарх может преобразовать Россию на основах разума и свободы, исходя из идей просвещения.

Сама Екатерина II, желая показать Европе характер своего «просветительского правления», выдавала желаемое за действительное, что очень тонко отразил Левицкий в картине. Екатерина писала Д'Аламберу, что в Наказе половина статей есть пересказ «Духа законов» Монтескье. «Наказ не является оригинальным произведением, большая часть его содержания заимствована из сочинений Монтескье, Беккариа, Гельвеция»¹. И тем не менее в 1785 г. Екатерина издает «Жалованную грамоту дворянству», в которой закрепились права и привилегии дворян, а крестьяне превращались в имущество, в собственность помещиков. Еще ранее, в «Учреждении для управления губерний» 1775 г. в ст. 401 Екатерина II, воспринимая ведущий принцип английского правосудия, признанного актом «Habeas corpus act» 1679 г. (никто не может быть осужден иначе как по решению суда), излагает его положения, но не обеспечивает их реального исполнения соответствующим процессуальным механизмом. Таким образом, просвещенный абсолютизм в России носил декларативный характер, что и демонстрирует Левицкий в своей картине. На самом деле существовал авторитарный режим абсолютной монархии, соединявшей в одних руках всю полноту никому не подотчетной власти. В этих условиях в стране процветали произвол и насилие, получившие юридическое обоснование путем принятия не правовых законов, искажавших сущность и саму природу права.

Таким образом, мы не должны ограничиваться традиционным пониманием содержания рассматриваемого полотна как утопического рассуждения художника о «государе-гражданине», «идеальной государыне».

За внешней пышностью и парадностью, фальшивым блеском помпезного, млажавого образа Екатерины II художник неожиданно раскрывает перед зрителем жестокую действительность российского общества в аллегориях, иносказаниях и прозрачных намеках на существующие и должные порядки управления государством. Российская империя отступила от великих идеалов свободы и равенства,

Княжна Тараканова
Картина Д. Г. Левицкого

¹ Развитие русского права второй половины XVII–XVIII вв. М., 1992. С. 48.

выработанных человечеством еще на заре цивилизации, ушла на другой путь — произвола и насилия, с правами и привилегиями для одних и обязанностями для других.

Другой русский живописец, К. Д. Флавицкий, также используя иносказания, стремится к исторической достоверности изображения периода правления Екатерины II. Художник пишет знаменитое полотно о трагической судьбе княжны Таракановой, не скрывая авторитарный характер правления Екатерины II. Мрачные тюремные застенки Петропавловской крепости символизируют государство, подавляющее любые формы проявления свободы и независимости. Образ Екатерины II незримо присутствует в картине. Прикрывавшаяся идеями французских просветителей, императрица всегда оставалась самодержавной и деспотичной помещицей.

Однако тайна искусства, отражающего правовую действительность, ускользает от поверхностного взгляда по причине ее невероятности. Данное обстоятельство часто приводит зрителя к непониманию, заблуждению. Ибо искусство есть сфера эстетических оценок, а не политических, философских, идеологических и т. д. Но именно эстетический взгляд порой помогает увидеть не только то, что безобразно или прекрасно в окружающем мире, но и то, что правомерно и неправомерно, законно и противозаконно, справедливо и несправедливо — в обществе, в государстве.

*(Окончание следует)**

Пристатейный библиографический список

1. Алексеев, А. И. Юридическая действительность в изобразительном искусстве / А. И. Алексеев. — М. : Юрлитинформ, 2007. — 128 с.

2. Бергман, Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования / Г. Дж. Бергман. — М. : Изд-во МГУ, 1994. — 592 с.

3. Законодательство России X–XX вв. — Т. 5. — М. : Юридическая литература, 1987. — 527 с.

4. Киянова, О. Н. Юриспруденция в произведениях русской живописи // Юстиция. — 2009. — № 6. — С. 89–99.

5. Право и история художественной культуры. — М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2012. — 431 с.

References

1. Alekseev, A. I. Juridicheskaja dejstvitel'nost' v izobrazitel'nom iskusstve [The Legal Actuality in the Visual Arts] / A. I. Alekseev. — M. : Jurlitinform, 2007. — 128 p.

2. Bergman, G. Dzh. Zapadnaja tradicija prava: jepoha formirovanija [The Western Tradition of Law: Development Epoch] / G. Dzh. Bergman. — M. : Izd-vo MGU, 1994. — 592 p.

3. Kijanova, O. N. Jurisprudencija v proizvedenijah russkoj zhivopisi [Jurisprudence in the Works by the Russian Painting] // Justicija. — 2009. — № 6. — P. 89–99.

4. Pravo i istorija hudozhestvennoj kul'tury [Law and History of Art Culture]. — M. : JuNITI-DANA, 2012. — 431 p.

5. Zakonodatel'stvo Rossii X–XX vv. — T. 5. [The Russian Legislation X – XX Centuries — Vol. 5.] — M. : Juridicheskaja literatura, 1987. — 527 p.

* Окончание статьи будет опубликовано в журнале «Правовая культура» № 1 за 2016 г.